

Александр Темной

Рита

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Валерьевич Темной

Рита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38847419

SelfPub; 2018

Аннотация

Отправляясь на отдых в Турцию, Дмитрий не знал, что эта поездка перевернёт всю его жизнь. Плавая в Средиземном море, он встретил настоящую русалку, в которую влюбился до беспамятства, с которой у него установилась телепатическая связь. Дмитрий называл её Ритой. Общаясь с ней, Дима узнал о жизни русалок почти всё, даже то, о чем многие не догадываются... Содержит нецензурную брань.

Александр Темной

Рита

*Моя звезда упала за линию прибоя,
Бокал мой опустел, ты рядом не со мною.
Холодную рукою тебя волна укрыла,
Бездонною тоскою укутала-пленила.
Дельфины и кораллы твоей красой дивились,
Как будто женихи среди волос резвились,
А солнце без тебя расплакалось росой,
И ветер замолчал. Ты там, а не со мною, -
Там ... Там ...
Там ... Там ...
Там, где русалки поют ...
Группа «Ляпис Трубецкой», «Русалки».*

Мы сидели с Юлей в кафе и отмечали десятилетие нашей свадьбы. Все друзья и знакомые разъехались по заграницам, родственники отдыхали на дачах, вот мы и сидели в кафе «Чай у Фёдора» вдвоём. Играла тихая музыка, народу было немного. В общем, нам было хорошо и уютно, мы непринужденно беседовали, пока в кафе не зашёл он.

Мы не виделись лет десять – пятнадцать. Я сначала его не узнал, но он сразу нацелил на меня свои тёмно-карие тараканьи глазищи и заорал так, что две девицы за соседним столиком вздрогнули от испуга. Одна из них схватилась рукой за похожую на дыню грудь.

– Пашка! Братан! Сколько лет, сколько зим ...

– Здорово Димон! – сказал я, вставая из-за столика и протягивая ему руку. – Я тоже рад тебя видеть. Посидишь с нами?

– Конечно! Что за вопрос?

Дмитрий сел за наш столик, пробежался глазами по меню и заказал шашлык, апельсиновый сок и двести граммов водки.

– Почему бы тебе не заказать коктейль «Отвертка»? – с улыбкой спросил я его.

– А так дешевле получается, – ответил Дима, подмигнув Юле. – Зачем лишний раз переплачивать?

Юля засмеялась.

– Ты бы мог в киоске коктейль купить и пить на улице. Так ещё дешевле получится...

– Нет, – Дима сделал обиженное лицо. – Там жарко. И потом, я бы не встретил там вас. Вы же тут сидите!

– Димка! Ты так изменился! Но чувство юмора не потерял. Ты и в школе шутником был. – Юля подняла бокал с вином. – Ну, за встречу.

Действительно, Юля верно подметила, только ей хватило ума не говорить Димке, что выглядит он плохо. На нём была одежда, будто купленная во второсортном секонд-хенде, под глазами тёмные круги, сильно похудевший. А ведь в классе он был самым толстым. У него даже кличка Бублик была. Эту кличку он получил за любовь к бубликам, которые ко-

гда-то продавались в булочной около школы и стоили пять копеек.

– За встречу! – сказал я и потянулся через стол с бокалом пива.

Мы чокнулись, выпили по глотку. Настроение у нас с женой улучшилось, по её заискрившимся глазам было видно, что ей уже не так скучно, как полчаса назад.

– Ну, как вы? – спросил Дима, выудив сигарету из моей пачки «Winston». – Чем занимаетесь?

– Я всё там же, в рекламе, – ответил я.

– А я в отпуске, – ответила Юля, улыбнувшись. – А вообще я бухгалтером работаю в торговой фирме.

– Во как! – Дима хлопнул в ладоши. – А я на стройке вламываю ...

– Прорабом? – спросил я.

– Нет, простым строителем. Решил, так сказать, с низов начать. И потом, мужик должен уметь работать руками. Вот ты, Пашка, можешь что-нибудь делать по дому?

– Могу! – ответил я, вспомнив про недавний ремонт в квартире, а также про то, как я похудел за время ремонта на пять килограммов.

– Только не так, как хотелось бы, – Юля прыснула в кулачок. – Он весь день вешал карниз, потом гордый такой ходил. Сам от себя тащился. ... Этот карниз упал, когда я шторы на него повесила.

Все засмеялись. Громче всех смеялся Димка.

– А чего вы в городе, а не на югах? – поинтересовался Дима, просмеявшись.

– Да ну их! – я махнул рукой. – Здесь тоже отдыхать можно.

– Опять врѣшь? – Юля погрозила мне пальчиком. – В России мы отдыхать не хотим. В прошлом году в Сочи нас обокрали, а за границу не можем поехать потому, что у нас нет загранпаспортов. Я говорила Пашке, что нужно паспорта начать оформлять, а он всё «Потом, некогда, отстань»! Вот так мы за границу этим летом не поехали.

– Сдала как стеклотару, – я усмехнулся. – Ну, ничего, в следующем году съездим. Махнём куда-нибудь в Турцию.

– В Турцию? – Дима заметно оживился. – Был я в Турции в прошлом году...

– И как там? – В глазах Юлии зажглись огоньки заинтересованности.

– Как тебе сказать? – Дима выдохнул струю дыма и раздавил в пепельнице окурок. – Кому как: кто-то хвалит, а вот мне как-то не очень понравилось ...

– А что там не так? Кормили плохо? Дожди шли? – Юля подалась вперёд.

– Да нет, – Дима стрельнул глазами по Юлиному декольте, что мне не очень понравилось, налил в стакан водки, разбавил соком. – Погода была прекрасная, кормили как на убой. Только там со мной произошла очень странная история, в правдивость которой сейчас мне верится с трудом, а тогда ...

Дима вздохнул, сделал глоток желтоватой жидкости.

– Ну, расскажи, пожалуйста!– Юля начала канючить, как маленький ребёнок. Судя по лицу Димы, он только этого и ждал.

– Вам точно это будет интересно?

– Да! – хором ответили мы.

– Тогда слушайте. Раньше мы с Леной, моей бывшей женой, любили отдыхать здесь, в Свердловской области. Ездили по домам отдыха, по санаториям, на Челябинские озера выезжали. И нам казалось, что это нормально. Главное, чтобы дождей не было, а остальное – фигня. Так продолжалось долго, лет пять, а потом Ленка вдруг приходит домой с работы, насупилась и говорит: «Ты меня не любишь!» Я опешил от удивления. Спросил ее, почему она так думает? А она отвечает: «Ты экономишь на мне. Всем моим подругам мужа шубы дарят, а ты что мне подарил? Дублёнку драную!» Я ей начал говорить, что у неё очень хорошая, новая дублёнка, она её очень идёт... «Все подруги в Турцию летом ездят, в Египет, в Таиланд, в Испанию. А я? Я, как последняя лохушка, провожу лето в каких-то клоповниках». Высказав это мне, Лена расплакалась. Я начал её успокаивать, гладить её по волосам, говорить, что люблю её... Я ведь действительно любил её в тот момент больше жизни. Я спросил её: «Как мне доказать тебе свою любовь? Купить тебе шубку?» «Нет, – ответила мне Лена, размазывая тушь по лицу. – Давай следующим летом съездим куда-нибудь за границу! Я в Турцию хо-

чу. Говорят, там здорово». Я обнял её и поцеловал. Говорю: «Ладно, радость моя. Пусть будет Турция!» Знал бы заранее, чем это закончится, то не был бы таким мягкотелым. Я бы предложил ей или забыть про Турцию, или пусть с вещами переезжает к своей маме. Но я этого не сделал.

Дима посмотрел на нас, закурил ещё одну мою сигарету.

– Последующие полгода прошли для нас под знаком ожидания. Мы оформили загранпаспорта, купили кучу всякого барахла: надувной круг с ручками, надувной матрас, несколько пар солнцезащитных очков, пляжные полотенца. Для меня купили майки, рубашки, шорты, лёгкие брюки. Себе Ленка купила всякие платья, сарафаны, шляпку и это... как его? Сари! Представляете, она купила себе новый купальник, который практически ничего не закрывает. Ленка каждый день надевала его на себя, вертелась в нём перед зеркалом и всё спрашивала меня, потолстела она или нет. Ленка, конечно, дура, но фигура у неё потрясная. Почти каждая её примерка заканчивалась бурным сексом. – Дима хохотнул. – Самое удивительное, что она забыла этот купальник дома, и в Турции ей пришлось покупать новый купальник!

Дима замолчал.

– Тоже мне странная история! – Юлия покачала головой. – Ничего странного. С женщинами такое бывает.

Пришла официантка, принесла Диме шашлык. Дима улыбался и смотрел на официантку, пока она не ушла, потом продолжил:

– За день до вылета я работал. Трудился на стройке в поте лица, представляете? И вот, приползаю с работы, а Ленка говорит: «Звонила Катя, моя сестра. Просила, чтобы ты заехал к ней за видеокассетами». Я устал, мне хотелось побыть дома, а тут... Ленка не унимается: «Старые видеокассеты. Кате складывать их некуда. Она сказала, что выкинет их на помойку, если ты не заберешь. Не пропадать же добру. К тому же, по телеку скукотень одну показывают. Съезди, заberi, а? Потом вместе какой-нибудь фильм посмотрим». Ну, чего не сделаешь для любимой женщины, да? – Дима вздохнул. – Пока шёл к стоянке, у меня было какое-то нехорошее предчувствие, будто должно произойти то, о чём даже думать не хотелось. Ну, не хотел я ехать! Сажусь в машину, думаю, нужно хоть музыку включить, чтобы тоску разогнать. По карманам себя хлопаю – нет панели от магнитолы. Ну, что за напасть? Я её дома оставил. Вот филин! Ладно, думаю, обойдёмся без магнитолы. Завожу мотор, выезжаю со стоянки. Когда я выезжал из ворот, в моей голове прозвучал голос: «Дима!» Голос такой отчётливый и как будто женский, но не Ленкин, это точно. От неожиданности я крутанул рулём вправо и ободрал весь правый бок об стойку ворот. Выхожу из машины, смотрю: на воротах остались лохмотья голубой краски, а на боку моего «Ниссана» осталась широкая белая полоса с ошметками краски по краям. Ох, матерился я...

– А ты не перегрелся на солнце? – Юля хихикнула. – Не пил ничего перед выездом? Нормальные люди чужих голо-

сов в голове не слышат. По-моему, это называется...

– Шизофрения! – закончил за неё Дима. – Но нет, я не псих. Если вы дослушаете мою историю до конца, вы поймёте это.

– Юля, не мешай Диме, – я сжал Юлину ладонь, укоризненно покачал головой. – Не перебивай его!

– Спасибо, Паша, – Дима тряхнул головой, будто встряхивая мозги. – ...Стою я перед машиной, смотрю на эту царапину. С одной стороны, вмятины нет, это хорошо. С другой стороны, если Ленка узнает, что я машину поцарапал, мне крышка. Поэтому я решил ей ничего не говорить про то, что я тачку поцарапал. Во всяком случае, до конца отпуска. Потом, думал я, мы приедем из Турции, я загоню машину в автосервис Вовы Брагина... Ты помнишь Вовку Брагина?

– Да! – я кивнул. – Он был самым тупым в нашем классе.

– А потом ты пошёл домой? – спросила Юля.

– Нет, – Дима печально улыбнулся. – Я понял, что если не привезу эти долбаные кассеты, Ленка мне плешь на голове проест, и весь отпуск пилить меня будет, поэтому сел в машину и поехал. Разумеется, я ехал медленно, боясь ещё где-нибудь шоркнуться. Настроение было паршивым. До Катьки я доехал без проблем. Выпил у неё кружку крепкого кофе, забрал два пакета с кассетами. Они мне ещё диски с видеоиграми дали. Потом сел в свой ниссанчик и поехал домой. Еду по проспекту Космонавтов. Дорога пустая, я даже удивился. Ни одной машины. И тут в моей голове опять этот

голос: «Дима!» От неожиданности я вздрогнул, повертел головой, вдруг в машине кто-то есть? Но никого, кроме меня в салоне не было. Я вцепился в руль и нажал на «газ». Мне хотелось быстрее приехать домой, выпить пива... Я думал, что я просто устал на работе и мне нужно отдохнуть. Эти клиенты... Они такие подонки! Эти гады любому мозги закомпостируют. Разогнав машину, я почувствовал себя немного лучше. И тут... прямо под мою машину кидается гаишник с полосатой палкой! То, что это был гаишник, я понял, когда увидел его яркий жилет. С трудом остановился, чуть не сшиб его. Вырулил к обочине, выхожу. А меня трясет всего. Гаишник смотрит на меня, предлагает сесть в его машину. Я сел. Там ещё один был. Оба толстые, мордастые. «Вы превысили скорость!» – говорит один из них и показывает мне радар. Я кивнул головой. Я ведь знал, что не на шутку разогнался. Потом они стали пытаться меня, пил я или не пил. Я честно сказал, что не пил сегодня. Про голос в голове и про царапину на правом боку машины я им говорить не стал. Потом они стали копаться в моих документах и увидели, что доверенность просроченная...

– Разве машина не твоя? – удивился я.

– Нет. Ленке этот «Ниссан» её батя подарил. Понятное дело, его на Ленку записали, а я катаюсь по доверенности. Вот и тогда глянул я в доверенность, а она уже месяц, как просрочена. Вот, думаю, попал я! Менты тут же оживились, заулыбались. «Мы твою машину на штрафстоянку поставим», –

говорят они мне... Какая штрафстоянка? Мне в Турцию завтра лететь. А они смеются, говорят, что я третий, кто им в тот день такое сказал.

– И твою машину поставили на штрафстоянку? – Юля округлила глаза.

– Конечно, нет, – Димка улыбнулся. – Я дал ментам по столынику «на пиво», извинился, и меня отпустили. Настроение было наипоганейшее. Домой я даже не ехал, а плёлся, как черепаха, боялся, что опять остановят, а денег у меня с собой больше нет. Приехал домой, купил в киоске пива. Тут же одним глотком высосал бутылку. Мне стало лучше. Ленке ничего рассказывать не стал. Отдал ей кассеты, налил ей пиво в бокал... Весь вечер и всю ночь мы пили пиво и смотрели старые боевики. Утром с трудом встали, чуть не проспали. Я вам не сказал, что нужно было проснуться в пять утра, чтобы успеть на восьмичасовой рейс? Мы встали кое-как, потом приехало такси... Я всю дорогу пил пиво, поэтому смутно помню, как мы добрались до аэропорта. В себя я пришёл только в самолете. Мне хотелось в туалет и... покурить! В соседнем кресле спала Ленка, положив мне голову на плечо. Я только собрался встать, как вдруг... Опять тот же голос: «Дима!» Голос такой громкий, что у меня барабанные перепонки задрожали, и кольнуло вот здесь!

Дмитрий постучал пальцем по темени, сделал глоток из бокала.

– Так вы на посадку шли, – Юля кивнула головой. – У ме-

ня тоже как-то голова заболела, когда мы в самолёте летели.

– Но ты не слышала голосов! – Дима сморщился, будто съел лимон. – От этого голоса я подпрыгнул, схватился за голову. Ленка сразу проснулась, глазищи вытаращила, начала кудахтать. Я её успокаиваю, а сам успокоиться не могу. С трудом дошёл до туалета, облегчился, заодно покурил. А когда я решил сполоснуть лицо холодной водой, то увидел в зеркале ... женское лицо. Женщина в туманной дымке звала меня. Очертания её были смутными, но это была блондинка с длинными волосами. Это её голос звучал в моей голове. Мои ноги стали подгибаться. Я чуть второй раз не справил нужду от страха. На ватных ногах дошёл до своего места и плюхнулся в кресло. Сделал пару глотков газировки, пожалел, что не взял с собой фляжку коньяка, он помог бы мне разобраться в этой ситуации. А тут ещё Ленка начала визжать: «Димочка, что с тобой? Почему ты такой бледный? Тебе плохо?» И знаете, что произошло?

– Нет, – я отрицательно покачал головой.

– Нет, – судя по голосу, Юля была заинтригована. Она любила всякие дзахватывающие истории. – А что?

– Если до того, как сесть в кресло, мне было страшно, я всерьёз опасался за своё...

– Психическое здоровье? – подсказал я.

– Да... То потом я просто разозлился на Ленку. Она иногда бывает такая дура! Я начал орать на неё. Стал обзывать её психичкой. Я говорил ей: «Отвяжись от меня! Не мешай мне

наслаждаться полётом! Я с детства не летал ...» И тут смотрю: все на нас пялятся. Даже пьяный толстяк, дремавший в кресле через проход, проснулся и стал что-то невнятное бормотать. Ленка замолчала и отвернулась к иллюминатору. Она молчала до самого приезда в отель. Обиделась она...

– Кстати, почему ты не с ней? – спросила Юля.

– Потом расскажу, – Дима открыл меню, подозвал официантку. Когда она подошла, он что-то сказал ей вполголоса и продолжил, повернувшись к нам. – Ну и вот... Выходим мы из самолёта. А там жарыща такая! Мы-то улетали, когда дождь шёл... Аэропорт – как три наших Кольцово. Я сразу вспотел. То ли оттого, что сумки были тяжёлыми, то ли оттого, что на мне была кофта... Сели мы в большущий автобус, и повёз он нас в отель. Я смотрю в окно, Турцией люблюсь. Представляете, там вдоль дороги растут маленькие пальмочки. Дома у них небольшие, двухэтажные. Но на каждом доме стоят и спутниковая «тарелка», и большой бак для воды. Большие поля между населёнными пунктами, и так же, как у нас, всё загажено. Пустые бутылки валяются, мусор... На промежуточной остановке мы даже бомжа местного видели. Он дрых под кустом. Судя по вони, умудрился и обоссаться, и обоссаться. Блевануть только почему-то забыл.

Дима заржал, как конь. Юля поддержала его звонким смехом.

– Выглядел он как наш бомж? – спросил я, выискивая глазами официантку. – Как российский?

– Одет он был немного приличнее, наших бомжей, но всё равно вся его одежда была испачкана придорожной пылью и грязью. Туристы из России тут же начали фоткать его. Тьфу, придурки! Можно подумать, они здесь этого дерьма не видели...

Подошла официантка с подносом и поставила перед Димой салат с кальмарами. Встретившись с Димой глазами, она улыбнулась хорошо отрепетированной улыбкой:

– Пожалуйста!

– Ой, спасибо... – Дмитрий прочитал надпись на бейдже официантки. – Спасибо, Жанна!

– Пожалуйста, – сделав едва заметный поклон, Жанна собиралась уйти, но я остановил её. – И мне того же.

– И мне, – оживилась Юля. – А ещё грибной суп.

Ещё раз улыбнувшись, Жанна ушла. Дима проводил её взглядом, пока она не скрылась за плотной занавеской, отделяющей кухню от зала, потом продолжил:

– Я сходил в сортир, купил себе и Ленке пивка, и мы поехали дальше. Ехали долго, часа полтора. Наш отель «Баттерфляй» оказался последней остановкой. Он находится на юге Турции, в Аланье. Я не знаю, почему отель так назвали. В переводе с английского это означает – «бабочка», но за время нашего пребывания в том отеле, я не видел ни одной бабочки...

– Алания, – задумчиво произнесла Юля, словно смакуя это слово. – Это же на Кавказе?

– Есть такой футбольный клуб «Владикавказ-Алания», – вставил я.

– Да нет же. Турции – Аланья. Отель, конечно, классный. Пять звёзд, пять этажей, всё включено. Внутри пентагона из бетона и стекла располагались три больших, и пять маленьких бассейнов. До моря – метров пятьдесят... До Средиземного моря. – Дима многозначительно поднял вверх указательный палец. – Это расстояние можно было преодолеть по подземному переходу. Ещё там был огромный ресторан, в котором нас кормили по три раза на дню.

– Ого! – вырвалось у Юли.

– Да! Шведский стол, море жрачки и выпивки. Мы даже обалдели от такого изобилия. Поев в ресторане, поднялись в свой номер. Нас поселили на третьем этаже, с видом на море. В номере стояла большая кровать, большой телевизор, как у моего босса в кабинете. По телеку даже российские каналы показывали...

– Вот это нормально, – произнес я.

– Конечно, нормально. После обеда я разбирал вещи, раскладывал их по шкафам-купе, а Ленка снимала меня на камеру. Вещи почему-то оказались мокрыми. Наверное, в багажном отсеке самолёта наши сумки чем-то замочили. К морю мы пришли только во второй половине дня, когда было не сильно жарко. Мы купались, снимали друг друга на видео, познакомились в русскоязычными немцами, которые свалили из Союза в конце восьмидесятых... и ничуть не сторели.

Мы даже не загорели. Оказалось, что кроме купальника, мы забыли купить крем от загара. На первом этаже отеля было много всяких магазинов, торгующих разным барахлом. Мы купили Ленке купальник. Крем от загара купили только на следующий день, когда Ленка сгорела на солнце.

Пришла официантка Жанна. Она расставила тарелки с салатами, перед Юлей поставила тарелку с супом и тихо ушла, стараясь не смотреть на Диму.

– Сильно сгорела? – спросил я, размешивая вилкой салат.

– Сгорела, как головешка! – Дима усмехнулся. – Потом у неё даже корки были на спине и на плечах. Я-то прятался в тени, под зонтиками, но жену ведь не убедишь, что долго находиться под таким солнцем опасно. Вот и обгорела. Она три дня не вылезала из номера. Выходила только вечером, когда солнца нет. Я же все эти три дня развлекался, как мог: турецкая баня, массаж, парасейлинг.

– Пара... что? – не поняла Юля.

– Парасейлинг. Это парашют, привязанный к катеру. Ощущения – супер! За это время познакомился с молодой парой из Москвы, с турком, у которого русская жена, оттрахал белоруску Веронику, ездил на Памукалле, занимался дайвингом.

– А что такое Памукалле? – удивлённо спросила Юля.

– Термальные источники.

– Круто, – сказал я, хотя понятия не имел, что это такое.

– Три дня, когда моя Ленка сидела в номере, прошли вол-

шебно. Но потом тоже было ничего. Мы ходили на ночные дискотеки, курили кальян, плавали на яхтах... Так продолжалось до тех пор, пока у нас деньги не закончились. Оставшуюся неделю мы тусовались в отеле. Но я и там не терялся. Я купался в море, ходил в сауну, в тренажерный зал.

– И Лена ходила с тобой в качалку? – поинтересовался я. Уж я-то знал, что Лена не спортсменка.

– Нет, конечно! Она сидела с книгой на пляже или бухала в баре. Какая ей качалка?

– Я так и думал, – я рассмеялся.

– А голос? – тихо спросила Юля.

– Голос? – Дима задумался. – В какой-то момент я стал о нем забывать. И о женщине в зеркале тоже. Всё было слишком хорошо, понимаете. Я всё это списывал на усталость и переутомление. Когда я отрывался, я обо всём этом забывал. Всё шло, как по маслу: весело, шумно. Только было что-то, что мне казалось странным. Станным мне казался пузатый поляк, с утра до вечера сидящий под пляжным зонтом у кромки воды с биноклем в руках. Я сначала думал, что он – спасатель. Уж больно напряженно этот мудака смотрел на море.

– Может, он на девок в бинокль смотрел? – предположил я.

– Нет, – ответил Дима. – Самые красивые девчонки, которые были на пляже, на лежаках топless загорали. Там бинокля не нужно было, чтобы всё, что нужно разглядеть. Ир-

ку-белоруску я зацепил именно на пляже. Вот это тёлка!.. То, что поляк – не спасатель, я понял, когда увидел, что он вместе со всеми ходит в ресторан, вечером пьёт в баре, пьяный снимает девок на дискотеке. Я даже знал, что его номер на пятом этаже. Там все поляки жили. Ещё странным мне показалось то, что ночью я слышал какой-то шорох за дверью, в коридоре. Будто что-то волоком тащили по полу. Когда я выходил из номера, то видел мокрые полосы на полу и следы... рук.

– Может, это уборщицы пол мыли? – предположил я. – Турецкий способ?

– Не-е-ет. Они моют по утрам, но не ночью. Мокрые следы на полу пахли морем. Это была морская солёная вода. Ещё я слышал шум на кухне ресторана. Когда я спускался вниз, эти холуи в красных жилетках, которые гордо называли себя «ресепшн», чуть ли не насильно, отводили меня в номер. Всё это казалось мне странным, но, выпивая коктейль «джин с колой», я забывал об этом, или старался выкинуть это из головы. Дальнейшие события показали, что это были только цветочки. Ягодки были впереди. Как-то я плавал по морю на «бублике». Меня качало на волнах и относило дальше от пляжа. Я лёг спиной на «бублик», опустил голову в воду... Блаженство, кайф! Прохладная соленая вода накатывает на разгоряченное тело... И тут опять позвучал этот голос: «Дима!» Только голос в этот раз звучал не в моей голове, а где-то снаружи, сзади. Я развернулся на круге, посмотрел назад.

Увидел всплеск воды и тёмную тень под собой. Боже мой, как я испугался! Я думал, что это акула, или ещё какая-нибудь рыба, которая хочет попробовать меня на зубок. Я стал грести изо всех сил к берегу. По кругу что-то сильно ударило снизу. Я чуть не перевернулся, но удержался на плаву и продолжал грести. Страх придал мне сил. Я работал руками и ногами, нёсся по волнам и кричал: «Помогите!» К сожалению, так как я был далеко от берега, меня никто не слышал. Очередной толчок снизу, и я оказался в воде. Вдруг почувствовал, как кто-то схватил меня за лодыжку и тянет вниз. На мне были очки для плавания. Я видел какие-то мелькающие тени вокруг себя. Какие-то крупные существа плавали вокруг меня на большой скорости. Я дрыгал ногами, грёб руками, но опускался всё ниже и ниже. В тот момент я несколько не сомневался, что на меня напали акулы...

– А в Средиземном море водятся акулы? – Юля округлила глаза.

– Айдин, турок, который женат на русской бабе, мне рассказывал, что в Средиземном море акулы водятся, но он их никогда не видел. Про нападения акул на отдыхающих он никогда не слышал. Но на меня что-то напало и тащило на дно. Когда я посмотрел вниз, мою ногу сразу отпустили. Я решил воспользоваться этим и стал грести. Я даже не думал о том, чтобы посмотреть вниз, был очень напуган, воздух в лёгких заканчивался. Я смотрел только вверх и видел только солнце и свой круг, качающийся на волнах. Нас разделяла толща

воды, но я всплыл как раз в тот момент, когда воздух закончился. Я не просто всплыл, я выпрыгнул из воды и плюхнулся животом на «бублик». Отдышавшись, я поплыл вперёд. Мне казалось, что в любой момент меня схватят за ногу и утащат вниз, поэтому я плыл так быстро, как никогда в жизни. И тут прямо передо мной из воды показалась опутанная водорослями голова. Потом я увидел шею и плечи женщины. Я перестал грести и смотрел на неё. Она тоже смотрела на меня. У неё были русые волосы, в которых запутались водоросли, мутные глаза и шершавая кожа. Будто это не кожа, а наждачная шкурка светло-коричневого, с желтоватым отливом, цвета. Она смотрит на меня, изучает. Я тоже смотрю на неё. Лицо её тогда показалось мне знакомым. И тут я подумал, что, возможно, эта женщина занимается дайвингом. Она из нашего отеля, я её знаю, быть может, мы с ней пересекались в ресторане или на пляже. Она ныряла и решила подшутить надо мной. Не исключено, что с ней были другие ныряльщики, которые решили меня разыграть. У меня сразу как груз с плеч свалился. И выглядит она так странно, потому что на ней костюм для дайвинга. Какой-нибудь тонкий, из дорогих... Я сразу почувствовал то, что чувствуют жертвы розыгрышей, когда понимают, что их разыграли. Они начинают смеяться. Вот и я рассмеялся и зачем-то обрызгал её водой. «Ну, вы даёте! – смеясь, говорил я. – Я чуть в штаны не наложил. Шутники, блин!» Она ничего не ответила. Просто сказала: «Дима!» В тот момент я увидел её острые зубы,

непохожие на человеческие. Я услышал её шипящий голос и понял, что именно этот голос звучал в моей голове. Это её лицо, с большим ртом и складками у губ, я видел в зеркале в туалетной кабинке самолета. Определенно, это была не маска аквалангиста. В тот момент меня будто током ударило. Я замер в оцепенении и открыл рот. Хотел закричать, но не мог произнести ни звука...

Дима замолчал. Он сидел, глядя перед собой и сложив руки на груди.

– А что было потом? – осторожно спросил я, боясь спугнуть его мысль. В тот момент я не верил, что это правда, но рассказ Димки мне показался интересным. Юле, похоже, тоже история Димы нравилась. Она смотрела только на него, и глаза её блестели.

– Потом? – Дима поковырял вилкой в салате, смочил губы коктейлем. – Потом она нырнула, хлопнув хвостом по воде и обрызгав меня солёной водой. Почувствовав соль на губах, я словно проснулся. Лёг на круг животом и быстро поплыл к берегу. Плыл быстро, боясь обернуться назад. Только добравшись до берега, я смог вдохнуть полной грудью. «Димка, где ты был? – первым делом спросила меня Ленка. Она сидела на лежаке под пляжным зонтом и втирала себе крем в плечи. – Я уже думала, что ты утонул! Намажь мне спину кремом». Я намазал ей спину и ушёл в номер. Вы даже не представляете, как сильно дрожали мои руки, когда я размазывал крем по спине Лены. В номере просидел до вечера,

боясь выйти наружу. Я был в шоке. Подумать только, я видел настоящую русалку, которая вначале нашего знакомства чуть не утащила меня на дно! Но там были ещё тени. Значит, их было много...

– Ты думаешь, это были русалки? – Юля улыбалась, накручивая на палец локон волос.

– Уверен, – не задумываясь, ответил Дима. – Именно такими я видел русалок на картинках в детских книгах – полурыба, полуженщина, покрытая чешуей. А ещё говорят, что они не существуют... Я бы поверил в то, что это был розыгрыш, но как насчёт ЕЁ голоса в моей голове? Этот голос, похожий на громкий шепот, я буду помнить всю свою жизнь и не спутаю его ни с одним другим голосом... Войдя в наш номер, я включил телевизор, укрылся с головой одеялом. Меня всего трясло. Хотя по телеку показывали какой-то российский фильм, я даже не смотрел его. Я думал, что мне дальше делать? Я заплатил такие деньги за отпуск, в первый раз в жизни поехал за границу и увидел море и тут... на тебе! Я же сейчас в море не зайду, и весь отпуск только об этом буду думать. А если они могут выбираться на сушу? От этой мысли стало ещё страшнее. Самое ужасное было то, что я не мог никому это рассказать, облегчить душу. Кто бы мне поверил?

– Но сейчас ты это рассказываешь, – заметил я.

– Это сейчас. – Дима похлопал меня по плечу. – Время, Павлик, всё лечит. Тогда, в тот злополучный день, мне не с

кем было этим поделиться. Я был один, совсем один. Так я просидел до вечера. Не давала покоя мысль – что это за существо и что ему, или ей, нужно от меня? Если бы она хотела меня убить или поранить, разве она не сделала бы это? Конечно, сделала бы. Но она меня не тронула. Поиграла со мной, испугала меня, но не причинила вреда. Значит, бояться мне было нечего, да, Пашка?

– Да, – согласился я.

– ...Когда стало темнеть, я спустился во внутренний двор, где был большой бассейн, а рядом был бар. Я вышел из номера не потому, что хотел выпить, а потому, что вспомнил про Лену. Я не видел её целый день. Где она была? Что с ней? Только я прошёл мимо закрывшихся магазинчиков на первом этаже и вышел во внутренний двор, сразу увидел свою подругу.

Я проводил ее до номера, еле дождался, когда она заснёт, быстро оделся и направился в бар, где планировал хоть как-то привести в порядок своё психическое здоровье. Там я познакомился с немцем Готфридом, с Юрой из Новороссийска, с Саней из Костромы, с молодой парой из Москвы – с Верой и Сергеем. Там были ещё наши соотечественники, но я не помню, как их звали... Мы пили весь вечер. Было темно, ярко горели неоновые огни. Бассейн подсвечивался голубоватым светом. Вся наша компания сидела на составленных в круг плетеных лежаках. Кое-кто лежал... Периодически в бар уходили ходоки, за выпивкой. В ход шло всё: коктейли,

турецкая водка раке, в общем, всё, что горит. Было весело. Мы общались и пели под караоке.

– А как ты с немцем общался? – удивлённо спросила Юля.

– С Готфридом? – Дима хохотнул. – На английском и на языке жестов. К концу пьянки он знал некоторые русские слова и вполне сносно мог поддерживать беседу. Несмотря на то, что немцы постоянно тусовались на противоположной стороне бассейна, он почему-то бухал с русскими, и был такой счастливый... От моих дневных страхов не осталось и следа. Я был пьян и счастлив. Атмосфера к тому располагала. Иногда я у кого-нибудь спрашивал, не видели ли они здесь чего-нибудь необычного? Все смеялись и говорили, что, кроме поляка с биноклем, они ничего не видели, здесь даже тараканов нет. Я посмеялся вместе со всеми и прямо спросил, не видел ли кто русалок? Все прыснули от смеха, а Саша из Костромы сказала, что в отеле «Баттерфляй» есть только одна русалка и это – она!

– Я думал, что Саня из Костромы – мужчина, – сказал я.

– Нет, это женщина, – Дима печально усмехнулся. – Причём, очень красивая, но... лесбиянка. Когда ночью бар закрылся, она помогла мне дойти до номера и уединилась в соседнем номере с молоденькой девушкой с Украины.

– Вот это да! – вырвалось у меня.

– Я тогда сказал то же самое. Войдя в номер, я рухнул, не раздеваясь, в одежде. Во сне мне снилась... русалка! Я плавал с ней в море, мне было хорошо. Утром я проснул-

ся с головной болью, завтрак я проспал. Перед глазами всё ещё стояло лицо русалки с мощными челюстями и большими, покрытыми мутной плёнкой, глазами.

В отличие от вчерашнего дня, я был абсолютно спокоен. Очень хотел отдохнуть и оторваться на полную катушку. Возможно, думал я, в последний раз так отдыхаю, а потому никакие русалки не смогут мне испортить отпуск. Все эти мысли крутились в моей голове, когда мы с Ленкой шли к морю. Об этом же я думал, когда в баре на пляже пил пиво. Хотя успокаивал себя, в воду мне заходить не хотелось. Я мог бы весь день просидеть в этом баре и пить пиво, и пусть Ленка купается в море и делает всё, что её душе угодно. Но только без меня!

– Тебе не страшно было, что русалка нападёт на неё? – удивилась Юля. – Ты не предупредил её?

– Что бы я ей сказал? «В море водятся русалки, не купайся!» Она бы меня высмеяла, а потом бы скандал закатила. Ты знаешь, какие скандалы она мне устраивала?

– Нет, – ответила Юля.

– Лучше тебе этого не знать и не видеть. Именно поэтому я ей ничего не сказал. Я подумал, что будет лучше для моей нервной системы, если она искупается, увидит этих русалок, испугается, больше в воду не влезет, но не будет потом капать мне на мозги и говорить, что это я виноват в том, что её отпуск испорчен.

– А если бы она утонула? – не унималась Юля.

– Тогда я об этом не думал, – ответил Дима, опустив глаза и глядя на свой бокал с «отверткой». – Тогда я сидел в баре и пил пиво стакан за стаканом, переговариваясь с россиянами и разглядывая женщин в купальниках. Я погружался в пучину алкоголя, пока... пока в моей голове отчетливо и ясно не прозвучал знакомый голос: «Дима!» И тут произошло то, чему я не могу найти логического объяснения. Я отодвинул от себя стакан с пивом, встал и пошёл на пляж. Раздевшись и взяв под мышку «бублик», я направился к морю. «Ты только далеко не заплывай!» – крикнула мне вслед Лена, но я не обратил на её слова внимания. Я знал, что это ОНА меня зовёт, и я должен приплыть к ней. Все мои вчерашние страхи прошли. Их как рукой сняло. В голове вертелось только: «Плыви, плыви, плыви». Я лёг животом на круг и поплыл. Миновав буйки, греб дальше. Я не знаю, сколько бы я плыл, если бы не услышал всплеск воды справа. Обернувшись, я увидел её голову, поднимающуюся из воды. Ничуть не испугался её. Более того, я обрадовался ей, как старому знакомому, которого не видел много лет. «А, это ты, – сказал тогда я. – Ну, здравствуй». Она ничего мне не ответила. Продолжала изучать меня своими зелёными с поволокой глазами, а потом выдохнула: «Дима!» «Да, я – Дима, – ответил ей я, ткнув пальцем себя в грудь. – А ты кто? Как зовут?» – Я протянул руку с оттопыренным указательным пальцем и указал на неё. Она немного помолчала, видимо, соображая, потом сказала: «Рита». Правильнее было сказать,

что это был какой-то утробный щелчок, в середине – «Рита», и шипение в конце. Но «Рита» слышалось отчётливо. Я стал что-то бормотать про её имя, про то, как оно ей идёт, а русалка, тем временем, подплыла ко мне вплотную и стала трогать руками мой круг. Я заметил длинные ногти на её тонких пальцах и перепонки между ними, испугался, что она может проткнуть ногтями мой круг, и я не доплыву до берега, ведь пловец-то я плохой! Но она ощупывала «бублик» аккуратно. Изучив его и меня со всех сторон, русалка ухватила меня за лодыжку и резко крутанула. Я завертелся вокруг своей оси, вцепившись в пластмассовые ручки. Я думал, что она опять хочет меня утопить, но, увидев, как её рот растягивается в улыбке, я понял, что она играет. Ей нравилось крутить меня. Потом русалочка резко остановила «бублик», и я чуть не упал в воду. Рита засмеялась. Смех её был похож на кашель. В тот момент я заметил, как расходится кожа у неё под нижней челюстью...

– Она была ранена? – Юля прижала ладонь к губам.

– Нет, это были её жабры. Я только потом понял, что у них есть и лёгкие, и жабры. Русалки могут жить в воде и дышать воздухом... Она протянула руку и провела ею по моей ноге. Я сразу весь сжался, ожидая удара или укуса, но ничего этого не произошло. Ладонь её была холодной и влажной, прикосновение было осторожным, будто она сама чего-то боялась. Потом её рука скользнула по моим ступням, и русалка ушла под воду. Я облегченно вздохнул и поплыл к берегу. Когда

выходил из воды, меня пошатывало. Я поймал на себе взгляд поляка с биноклем. Он смотрел на меня так, будто я ему что-то должен. Когда я проходил мимо него, он отвернулся от меня и продолжил смотреть в бинокль на море. Я ещё тогда подумал, что он мог видеть меня с русалкой. А не за русалками ли он наблюдает? Значит, он тоже знает, что они существуют... Остаток дня мы с Леной загорали, пьянствовали и играли в пляжный волейбол. Купаться в море мне больше не хотелось. Зато на следующий день я почти бегом побежал к морю, даже толком не позавтракав. Я занял шезлонг недалеко от бара, сидел и ждал, потягивая пиво. Голос не заставил себя ждать. Как только я услышал зов русалки, тут же побежал к морю. Я увидел её в том же месте, где и в прошлый раз. Она всплыла из-под воды, подняв сотни брызг. Я тоже в долгу не остался и обрызгал её водой. Какое-то время мы брызгались. Я смеялся, она издавала свои кашляющие звуки. В какой-то момент я оказался в воде. Сначала я держался на поверхности, а она плавала вокруг меня. Потом она нырнула, и я устремился за ней. Мы опустились метра на три. Я же, как дурак, озирался по сторонам, рассматривая морское дно, маленьких рыбок, снующих косяками. Сначала мне было страшно. Я боялся утонуть, но потом я стал привыкать к глубине. Море, казавшееся мне поначалу враждебным, сейчас казалось мне милым и дружелюбным. Рита описывала круги вокруг меня, а я просто любовался ею. Вы даже не представляете, до чего она прекрасна в воде, как

она грациозна. Красив каждый изгиб её тела, каждый взмах её хвоста наполнен силой. Краем глаза я видел других русалок. Их было много. Они с большой скоростью проносились мимо нас, иногда останавливаясь, чтобы рассмотреть меня. Я всплывал, чтобы вдохнуть воздух и опять опускался. Она всегда ждала меня там, где я её оставил, хотя я боялся, что она уплывёт. В какой-то момент я посмотрел вверх. Сквозь толщу воды я увидел солнце, облака, а «бублика» там не было. Я знаком показал Рите, что всплываю. Она всплыла вместе со мной. «Я потерял свой круг! – крикнул я ей и очертил в воздухе руками овал. – Я должен найти его!» Повертев головой во все стороны, я нигде не видел «бублика». Рита тоже куда-то пропала. Я снова ощутил чувство страха и решил плыть назад. Вам может это показаться странным, но без надувного круга и без Риты я почувствовал себя слабым, беззащитным. Я уже собрался развернуться и плыть к берегу, как вдруг на горизонте показалась красная точка, которая быстро увеличивалась в размерах. За этой точкой я увидел фонтан брызг. Это был мой «бублик». Он быстро приближался ко мне. Когда он подплыл, я понял, что Рита толкала его перед собой и гребла хвостом. Толкнув в мою сторону круг, она подплыла ко мне, улыбнулась так, что складки в уголках рта разгладились, и скрылась под водой. Я сразу же опустил голову под воду, но её и след простыл. Я даже не понял, в какую сторону она уплыла. Подождав немного и поняв, что свидание окончено, я погреб к берегу. Вы можете

мне не поверить, но все развлечения на суше после плавания в море с Ритой стали казаться мне скучными и пресными. Нет, я играл в волейбол, ходил в тренажерный зал, чуть ли не каждый день сидел в сауне, но всё это стало мне неинтересно. Я слонялся по территории отеля и ждал, когда в моей голове зазвучит голос Риты, чтобы броситься в солёную воду, снова увидеть её...

– Так ты же говорил, что она страшная, – тихим голосом произнес я.

– Да! В самом начале она показалась мне страшной. Одни зубы чего стоят!.. Но потом мне стало казаться, что красивее её никого нет. Я был словно околдован ею. Я тосковал по ней, думал только о ней. И Ленка это чувствовала. Она дулась на меня, постоянно устраивала истерики. Лена говорила, что я завёл себе любовницу, что я уплываю в море, делаю крюк, причаливаю к пляжу соседнего отеля, где моя любовница и живет...

– Так у тебя ведь была там любовница, – встрепенулась Юля. – Вероника из Белоруссии.

– Да, было кое-что у нас с ней... Но к тому моменту она благополучно свалила в Минск. Я смеялся над всеми обвинениями Лены. И плевал на все её запреты. Я вам не говорил, что она запретила мне купаться в море?

– Нет, – я качнул головой из стороны в сторону.

– ...Но я всё равно входил в воду, как только слышал зов своей русалочки. Она не звала меня только тогда, когда вы-

ло волнение на море, когда волны были выше двух метров. Именно тогда я придумал себе новое развлечение. Я крепил один конец бельевой веревки, которую мы зачем-то привезли из Екатеринбурга, к ручке круга, второй конец я привязывал к своей руке...

– Это для того, чтобы круг не потерять? – спросил я.

– Молодец, догадливый! – Димка хлопнул меня по спине. – Я потом всегда так делал, чтобы Рите не приходилось всё время плавать за кругом. А когда были большие волны, отплывал от берега как можно дальше, садился на круг и ждал, когда пойдёт самая большая волна. И вот когда волна меня поднимала и несла к берегу, тогда был полный улёт! Меня крутило и бросало, накрывало сверху водой...

– Ты же мог утонуть, – вздохнула Юля.

– Главное – держаться за ручки круга и не дать волне себя перевернуть. Всё остальное – фигня. Когда тебя несёт волна, когда прёт адреналин – тогда об этом не думаешь. Именно тогда я понял, что чувствуют серфингисты...

– А когда не было волн, чем вы с Ритой занимались? – я потянулся за сигаретами, закурил, отметив, что пачка изрядно похудела, зато в пепельнице перед Димой была гора окурков.

– Мы придумали такую игру: я пытаюсь её погладить под водой, а она уплывает, не даётся. И её и меня эта игра забавляла. Благодаря этой игре я научился надолго задерживать дыхание и вполне сносно плавать. Плюс ко всему, я разучил-

ся бояться открытого моря. Я стал чувствовать себя в воде, как дома...

– Как рыба, – подсказала Юля.

– Кстати, о рыбе... – Дмитрий засмеялся. – Рита как-то уплыла, оставив меня под водой одного, но тут же вернулась, держа в зубах трепыхающуюся рыбу. Она протянула эту рыбу мне, представляете? Она хотела, чтобы я съел её.

– Фу, – Юля брезгливо сморщила личико.

– Это тебе «фу», – с невозмутимым видом произнес Дима. – А мне тогда было понятно, что она мне сделала подарок, и мне не хотелось обижать её отказом. Я взял эту рыбу за хвост, осмотрел её. В боках той рыбины были глубокие кровоточащие раны, но она всё равно была полна сил и энергии. Когда Рита отвернулась, я отпустил рыбу, и та быстро уплыла. Рита не стала догонять её, а я просто развёл руками. Дескать, ой, какой я неловкий!

– Вот это да! – Я выдохнул в потолок струю дыма.

– Но это было мелочью по сравнению с другой игрой, – продолжал Дима. – Рита брала меня за руку и начинала ускоряться. Получалось, что она тащила меня за собой. Мы плавали на дне и на поверхности воды. Скорость была большая. Ощущения мои были непередаваемыми. Это было что-то...

– А как твой круг? – спросил я. – Верёвка не мешала тебе?

– Нет, но я чувствовал, как она натягивается, когда мы погружаемся. Мы даже систему знаков разработали. Я дёргаю рукой – «стой», палец, поднятый вверх – «мне бы вдохнуть»,

машу рукой – «продолжаем дальше» и так далее. Всё просто!

– Такая система знаков есть у аквалангистов, – Юля улыбнулась, довольная своей осведомленностью, посмотрела по сторонам в поисках официантки.

– И как долго вы так развлекались? – спросил я.

– Почти каждый день, иногда по нескольку раз на дню. Как-то вечером я пил со своими друзьями в баре... Погода была замечательной, с моря дул прохладный ветерок. Мы, как всегда, сидели на лежаках и заправлялись спиртным под завязку. В этот момент я встал, прошёл в бар, попросил бармена наполнить пластиковую полуторалитровую бутылку вином и ушёл в номер, оставив Ленку с алкоголиками из России.

– Не побоялся, что... – Юлия отвернулась, прошептала что-то на ухо подошедшей официантке, потом снова повернулась к Дмитрию. – ...Что они что-нибудь с ней сделают?

– Нет! – Дима посмотрел в окно, на проходящих мимо кафе людей. – В этот раз меня что-то вынуждало сделать именно так. Я взял вино, две шаурмы и ушёл в номер. В номере лёг спать. Я не знаю, сколько я спал, но проснулся я среди ночи, когда было не так жарко, как днём, а за окном было темно. Ленка спала рядом, положив голову на руку. Из ванной доносился шум льющейся воды. Я сначала решил, что Лена забыла воду закрыть. Бормоча на ходу ругательства, я дошёл до ванной, распахнул дверь. Каково же было моё удивление, когда я увидел в ванне... Риту. Она плескалась в во-

де, подставляя под струю воды хвост. Вода вышла из краёв ванны и текла на пол. «Рита, что ты делаешь? Ты затопишь нас!», – сказал тогда я, выключая воду. Рита ничего не ответила. Она смотрела на меня, её зубастый рот растянулся в улыбке. «Ну, и что с тобой делать? Как ты вообще сюда попала?» – спросил я. Рита хлопнула по воде хвостом, обрызгав меня водой, потом перегнулась через край ванны и поползла, опираясь на руки и волоча за собой хвост, оканчивающийся плавником. А на кровати спала Лена. Я боялся, что Рита может причинить ей вред. Я говорил Рите, чтобы она туда не ходила. Приоткрыв входную дверь, указал Рите на выход, но русалочка, похоже, не обратила на это внимание. Она подползла к спящей Лене. Опершись локтями на край кровати, Рита внимательно рассматривала её, склонив голову. Она обводила пальцем с длинным ногтем контур лица Лены, убрала со лба её чёлку, потом откинула в сторону одеяло. И тут я понял, что Рита не хочет причинять вред Лене, просто она изучает её. Русалка рассматривала Ленку и приняла решение. Потом, издав щёлкающий звук, она поползла к выходу. Когда до открытой двери оставалось метра два, Рита остановилась. Она указала рукой на холодильник, в который я поставил вино, утробно булькнула и поползла к выходу. Я сразу понял, что она имела в виду. Взяв холодную бутылку вина и шаурму, я последовал за Ритой, отметив, что весь коридор покрыт влажными следами, будто по нему тащили промокшие мешки с чем-то тяжелым. Рита оставляла

такой же след. Именно тогда я понял, что эти следы оставляют русалки. Рита не могла оставить столько следов. Значит, там были ещё такие же, как она, их было много. Я прошёл за Ритой по длинному коридору, вдоль которого шли двери в другие номера. За теми дверями было тихо, но где-то в отдалении я слышал какой-то шорох, щелчки и бульканье. Мы дошли лестницы. Было странно видеть, как Рита спускается вниз, опираясь на руки и аккуратно спуская по лестнице свой хвост. Она делала это грациозно и уверенно, будто всегда это делала... Причём она делала это без остановки и быстро, плавно скользя по ступенькам, вода хвостом из стороны в сторону. Мы дошли до «ресепшена», где вся обслуга в малиновых жилетах крепко спала. В холе, где светилась надпись «Баттерфляй», слышался храп и размеренное сопение. Когда мы проходили мимо турков и турчанок, безмятежно спящих на своих рабочих местах, никто из них даже не шелохнулся. Светились мониторы компьютеров, позвякивал телефон, а они спали... Когда мы с Ритой направлялись к выходу, я увидел приоткрытую дверь, ведущую в кухню. Оттуда слышались какие-то звуки: голоса, бренчание посуды. Я не удержался и открыл дверь, войдя внутрь. Там горел свет. Посередине кухни стоял большой чан. Вокруг него, на полу, были такие же, как Рита, русалки. Они выхватывали из чана куски рыбы, какую-то желто-зеленую массу, похожую на кашу и с жадностью пожирали её. Мне стало как-то не по себе. Если Рита мне напоминала человека, то те русалки ско-

рее походили на диких животных. Среди тех русалок были русалки-женщины, русалки-мужчины и совсем маленькие – русалки-дети. В стороне стояли два повара-турка. Они смотрели на пиршество русалок и о чём-то переговаривались. Я встал, как вкопанный, замороженный зрелищем. Я никогда не видел ничего подобного. Одна толстая, старая русалка, с седыми длинными волосами, вся покрытая складками, кинула на пол рыбу, которую с чавканьем обглаживала и с шипением поползла ко мне. Её большой рот с кусками рыты, прилипшей к опущенным вниз уголкам, был оскален. И её рта воняло, как из помойки. Да там и так запах стоял не из приятных – запах морской воды, рыбы и ещё какой-то резкий запах... Я стоял и смотрел в её мутные глаза старой русалки, от страха мои ноги будто к полу приросли. А она шипела и ползла ко мне, шлёпая по полу своими большими скрюченными, перепончатыми руками. Ногти у неё были в два раза длиннее, чем у Риты. Оцепенев от страха, я стоял, как истукан, а толстая, морщинистая русалка ползла ко мне. Но вот я почувствовал, как кто-то дёргает меня за шорты. Посмотрев вниз, я увидел, что это была Рита. Она вывела меня из того состояния тупого оцепенения. И если бы не Рита, та толстая старая русалка, возможно, разорвала бы меня своими ручищами. Она была в два раза больше Риты. Рита махнула рукой в сторону двери, показывая мне, что нужно уходить. Один из турков-поваров что-то крикнул мне на турецком, метнул в меня свой поварской колпак. Колпак угодил старой

русалке в спину. Она обернулась на турка, зашипела, подняла с пола колпак и поползла назад. Этого мне вполне хватило, чтобы дать дёру оттуда. Я бежал к выходу. Рита ползла рядом, перебирая сильными руками и водя из стороны в сторону хвостом. Так мы добрались до пляжа, освещённого мощным прожектором, стоящим на крыше бара. Я поставил рядом два лежака, на один из них сел сам, на другой взгромоздилась Рита. Полусидя, полулежа, мы смотрели на звёзды и на чёрные волны, которые с шумом разбивались о песчаный берег. Я сделал глоток вина, протянул Рите. Я не думал, что она будет пить вино, к тому же, такое кислое. Но, к моему удивлению, она залпом выпила всю бутылку, с аппетитом съела две шаурмы, рыгнула и откинулась на лежаке. Я закурил, протянул ей пачку сигарет. Я думал, что она и курить умеет, но она смяла сигареты и кинула смятую пачку в урну. А вот зажигалка ей понравилась. Она щёлкала колёсиком, с восторгом глядя на пламя, водя над ним руками с растопыренными пальцами. Она даже знала, в какую сторону нужно повернуть регулятор пламени, чтобы огонёк был больше. Боже мой, как она напоминала мне в тот момент ребёнка. Этакую девочку, которой дали поиграть с огнём. Жёлтое пламя отражалось в её больших глазах, она восторженно пощелкивала и хихикала, иногда водя рукой над пламенем. И знаете, в тот момент я был влюблён в неё. Для меня не было более красивого существа. Пользуясь тем, что она занята, я позволил себе рассмотреть её более внимательно. Я

увидел, что всё её тело, кроме живота и лица, покрыто мелкими чешуйками. Её мощные руки и плечи, кубики брюшного пресса делают Риту похожей на женщину-бодибилдера. Я гладил её плечи, чувствуя кончиками пальцев каждую холодную чешуйку, каждый роговой нарост... Эти наросты были у неё там, где у нас брови, на носу и на подбородке. Взяв её руку в свою ладонь, я осматривал и поглаживал её. Перепонки между пальцами были тонкими, но прочными и хорошо растягивались, как резина отличного качества. Руки у Риты сильные, шершавые, но изящные. Так детально рассмотреть Риту я смог только тогда, в ту ночь. А ведь раньше изучить Риту так подробно у меня не было возможности. Пока она баловалась с зажигалкой, мои руки опускались ниже. В какой-то момент я осмелел. Я стал гладить её покрытую чешуёй грудь с твёрдыми, как камушки, сосками... Руки мои опускались ниже, на её упругий плоский живот. Чёрт возьми, женщины-русалки на ощупь мало чем отличаются от обычных, наших. Они на ощупь точно такие же, даже лучше, только покрыты чешуёй. Я не на шутку возбудился... Чёрт, это было моей ошибкой! Рита зашипела, ударила меня по рукам. Потом она бросила взгляд на мои оттопырившиеся спереди шорты, слезла с лежака и поползла к морю. Я понимал, что прокололся. «Рита, Ритуля! Извини, я не хотел!» – кричал я, когда бежал за ней, но она была непреклонной. Русалка упорно ползла к морю, даже не глядя в мою сторону. Вы понимаете, я вступил в столь тесный контакт с суще-

ством, о котором никто ничего не знает... Русалок считают сказкой, выдумкой... Возможно, я – единственный россиянин, которому получилось подружиться с настоящей русалкой, а я взял и всё испортил... Я бежал за ней и просил прощение, просил её вернуться назад... И тут из темноты вынырнул тёмный силуэт. Кто-то большой и толстый подбежал к Рите сзади и схватил за хвост. В свете прожектора я понял, кто это был. Это был тот самый пузатый поляк, который всё время сидел у моря с биноклем, которого я сначала принял за спасателя. Он громко что-то кричал, оглядываясь на меня. Наверное, просил меня, помочь ему вытащить Риту на берег. К сожалению, я не знаю польского языка. То, что он выкрикивал, было пшеканьем вперемешку с русским отборным матом. Вы уж поверьте мне, значение русского мата я знаю. Но помогать ему я не стал, хотя он оглядывался на меня и кивал головой, дескать, помощи. Рита в это время шипела, извивалась всем телом, пытаясь полоснуть поляка своими коготками. А они у неё острые... Вы даже не представляете, что тогда творилось в моей душе. Мне было жалко Риту, я всеми фибрами души возненавидел поляка... Я подскочил к нему и толкнул в грудь. Весу в нём – килограммов сто пятьдесят, не меньше, но он выпустил из рук хвост Риты и тяжело плюхнулся на песок, как мешок с дерьмом. Я посмотрел на Риту. Издав клокочущий звук, она ползла к морю, быстро работая руками и помогая себе хвостом. При этом хвостовой плавник, похожий на ласты, она держала вы-

соко над песком. Ползти до моря ей оставалось метров двадцать... Воспользовавшись тем, что я отвлекся, поляк поднялся на ноги и ударил меня в челюсть. Вот это был удар! Я услышал колокольный звон в голове. В следующую секунду меня зашатало, как пьяного, и я упал, зарывшись носом в песок, чувствуя привкус крови во рту. А поляк скинул сланцы и побежал к Рите. Я несколько раз пробовал встать на ноги, но всё время падал лицом в песок. Я был, как пьяный от такого удара...

– Классический нокаут, – вырвалось у меня. – Поляк тот, наверное, боксом занимался?

– Не знаю я, чем он занимался, но когда мне удалось наконец-то подняться на ноги, я увидел, как он опять держит Риту за хвост и тащит дальше от моря. А она уже практически не сопротивляется, только шипит и пытается ухватиться руками за песок, оставляя в нём глубокие борозды. Видать, устала... бедняжка! По воде-то ей по-любому легче передвигаться, чем по суше... Я сплюнул кровавый сгусток себе под ноги, сжал кулаки и направился к поляку. А он действительно силён был... Пока я приходил в себя, он умудрился Риту дотащить до того места, где я, если выразаться терминологией Павла, в нокауте был. Он пятился, волоча по песку рурсалку, пыхтел, как паровоз, но ни разу не остановился. Его оранжевая футболка с надписью «Polska» потемнела от пота. Я подошёл к нему, похлопал по плечу. Он отпустил хвост Риты, распрямился, посмотрел на меня своими маленькими

злыми глазёнками. Рита стала тихонько отползать к морю, и в этот момент я заехал ему в кадык. Поляк согнулся пополам, схватившись за горло... И тут я выплеснул на него всю свою злость. Я дубасил его руками и ногами. Я рычал, как зверь... Но этот пшек тоже не лыком шит был. Он умудрился перехватить мою ногу, когда я хотел его пнуть, сделал мне подсечку и стал убегать, всё еще держась рукой за горло. Я вскочил на ноги, прокричал ему вслед всё, что думаю о нём...

Не помню, как наша компания ещё что-то заказывала, но к нам опять подошла официантка. Она выставила на стол бокалы с пенящимся пивом и тарелки с салатами.

– Спасибо, – машинально сказала ей Юля и перевела взгляд на Дмитрия. – Ты думаешь, он понял тебя?

– Конечно, понял! – Дима сделал глоток пива, слизнул с губ пену. – Я ведь кричал исключительно матом. А мат, как вы поняли, есть и в русском языке, и в польском... Отряхнув одежду от песка, я посмотрел в сторону моря. Рита оставила на песке длинный глубокий след, обрамлённый следами рук по бокам. Я дошёл по этому следу до моря, посмотрел, как большие чёрные волны накатывают на берег. Риты нигде не было видно. Значит, она уплыла. «Слава Богу! – подумал тогда я. – Лишь бы с ней всё было нормально!». Я смотрел на ночное море, дышал прохладным соленым ветром, и мне вдруг стало страшно. Это днём, при солнечном свете, море очень красиво, а ночью... Я тогда подумал, что я

не знаю, какие ещё твари могут обитать в этой тёмной воде. Вдруг сейчас из воды выскочат какие-нибудь существа, которые страшнее русалок и утащат меня в эту чёрную пучину? Это могут быть другие русалки, не такие дружелюбные, как моя Рита. Я сразу же вспомнил тех русалок, которых видел в кухне. Это же самые настоящие звери! Меня пробрала дрожь. Сразу же появилось чувство, что за мной кто-то следит. Я услышал всплеск воды, увидел прямо перед собой, как что-то большое поднимается из воды... Знаете, у меня не было желания рассматривать, что это было. Развернувшись, я побежал к отелю. На «ресепшене» все по-прежнему спали. На мягком диване в холле спала турчанка из obsługi. Она спала сидя. С её пухлой нижней губы на накрахмаленную рубашку капала слюна... Видел бы их всех управляющий отеля – сразу бы уволил! Я тихонько, на цыпочках, прошёл мимо всего этого безобразия. Дверь на кухню была закрыта. За дверью было тихо. Никто не гремел посудой, никто не копошился. Я прошёл по коридору, стал подниматься на третий этаж. За закрытыми дверями номеров была кладбищенская тишина. Все, кроме меня, спали. Мокрых следов на полу не было. «Ну и Слава Богу!», – подумал я, входя в номер. Лена безмятежно спала, мерно посапывая, сбросив на пол одеяло. Её длинные волосы веером разметались по подушке, на ней были только стринги... В любой другой день я бы этим воспользовался, но не тогда. Я был слишком потрясен всем, что со мной произошло. Понятное дело, ни о

каком сексе речи быть не могло. Я ходил по номеру, пытаюсь найти хоть что-то, что свидетельствовало бы о пребывании там Риты. Я нашёл лишь несколько мелких чешуек в ванной. Я аккуратно взял их и положил в пустой спичечный коробок. Вот, посмотрите...

Дима достал из кармана спичечный коробок со старым автомобилем на этикетке, приоткрыл его и показал нам.

– Обычная рыба чешуя, – Юлия протянула руку. – Можно ближе рассмотреть?

– Нет, руками не трогать! – Дмитрий закрыл коробок и быстро убрал его в карман. – Я ношу эту чешую с собой, как талисман, как напоминание о ней... Не знаю почему, но иногда мне не верится, что это было со мной. Открываю коробок и понимаю, что это был не сон. Это было на самом деле. И на следующее утро, после той злополучной ночи, мне не верилось, что то, что я видел и пережил, было на самом деле. Ощувив боль в челюсти, увидев на лице большой синяк, я понял, что мне действительно это не приснилось. А ещё у меня были разбиты кулаки. Когда мы с Леной шли на завтрак, я смотрел на других отдыхающих. Все они были дружелюбны, приветствовали друг друга. Жизнь в отеле «Баттерфляй» шла своим чередом. Русские, немцы, поляки, прибалты, украинцы... Они даже не представляют, что здесь творится по ночам! Хотелось крикнуть: «Люди, а вы знаете, что турки здесь русалок прикармливают?» Но я не сделал этого. Я просто набрал полный поднос пищи и стал с аппетитом

поглощать её. Лена смотрела на меня, открыв рот от удивления, потом спросила: «Милый, а что с тобой происходит? Почему ты жрёшь, как слон? Откуда у тебя ссадины на лице и на руках?» Я не стал ей ничего объяснять. Я просто сказал, что не знаю, что пьяный вчера был! «А я знаю! Ты завел себе любовницу... Ты был с ней всю ночь, пока я спала... Вот, почему ты голоден. Синяк на лице, на кулаках кожа содрана... Её муж вас застукал, и вы подрались!» – Ленка встала из-за стола, нависла надо мной. Я рассмеялся ей в лицо, сказал, что она дура. Тогда она плеснула мне в лицо соком и убежала. Весь день мы не разговаривали. И потом какое-то время она дулась на меня. А я тогда закончил с завтраком и пошел... к морю. Нет, я не слышал голос Риты, просто я хотел побыть у моря, вдохнуть его солёный запах, посмотреть на волны. Купаться мне не хотелось. Я занял лежак, осмотрел песок. Следы Риты были затоптаны отпечатками босых ног отдыхающих. Погревшись в лучах утреннего, еще нежаркого солнца, я всё же решил подойти к воде и помочить ноги. Подойдя к кромке воды, я увидел красную рваную тряпку. У меня создалось такое впечатление, что эту тряпку кто-то изрезал ножницами. Присмотревшись, я понял, что это был красный от крови обрывок некогда оранжевой футболки поляка. Вместо надписи «Polska» там осталось только «ols». Прибой лениво играл этой футболкой, то выбрасывая её на песок, то забирая назад. Меня как водой из ушата окатили. Значит, поляк поплатился за свой интерес к русалкам! Но я

до конца не верил, что русалки способны искромсать человека. Нет, нет! Они не могут быть такими кровожадными. Нападение акул я сразу отмёл, так как поляк никогда не входил в воду, да и акул там нет. Поляк всегда сидел на берегу, под зонтиком. Я пробежался по пляжу, но его нигде не было. Хоть мы с ним подрались из-за Риты, но я не желал ему смерти, а тем более такой. Мне сразу вспомнились зубы и когти русалок, а ещё я вспомнил, как они умеют быстро плавать и прятаться, ложась на дно. Определённо, они прирождённые хищники. Благодаря их природной силе и ловкости им ничего не стоит убить человека, разорвать его на куски. Меня терзали внутренние противоречия. Разум мне подсказывал, что поляка убили русалки, а сердце моё отказывалось в это верить. Я всё ещё надеялся, что поляк жив и здоров, что русалки добрые и не причинят зла человеку. Я добежал до отеля, пробежался по ресторану, но там тоже не было, и никто из русскоязычных туристов его не видел. На «ресепшене» его тоже не видели. Турчанка из obsługi, немного говорящая по-русски, за пять долларов по секрету рассказала мне, что господин Новак должен был уехать из отеля через неделю, но никак не сегодня. Выходящим из отеля его тоже не видели. И я понял, что русалки всё-таки наказали его. Я сомневался, что это сделала Рита. Скорее всего, это было дело рук её соплеменников, которых было много, и большинство из них были не такими добрыми, как моя Рита. Рита, Рита, Ритуля... Больше я не подходил к морю, даже на пляж

не было желания приходить. Я курсировал между баром и бассейном, загорал там же, на лежаке, ходил в «качалку», потом грелся в сауне, а после сауны нежился в джакузи. Я общался со своими друзьями – Юрой, Саней, Сергеем... К нам ещё присоединился Глеб из Челябинска. Вот с ними я и развлекался. Они, как и я, не хотели ездить на экскурсии, предпочитая тупо набухиваться в отеле. Хотя от моря я старался держаться подальше, я знал, что непременно возьму свой «бублик» и полезу в воду, как только услышу в голове голос, ЕЁ голос. Но голоса я не слышал ни в тот день, ни на следующий. Я уже начал волноваться. Где она? Что с ней? Почему она не приглашает меня поплавать? Я мучил себя этими вопросами и тосковал. Мне безумно хотелось вновь увидеть Риту. И мне было безразлично, как в дальнейшем сложатся наши отношения с Леной. Не хочет со мной разговаривать, ну и не надо. Хотя чутьё её не подвело. Только не любовница у меня была, а подруга. Не женщина, а русалка, сказочный персонаж, который существует в реальности. Я два дня пьянствовал, не просыхая. Внутри меня всё кипело и бурлило. Мне нужно было с кем-нибудь поговорить, выговориться, иначе моё сердце могло разорваться, или я бы повесился от тоски. Вы даже не представляете, как мне было тяжело носить ЭТО внутри себя, как мне было больно. Пусть меня разорвут другие русалки, но я должен увидеть её, должен! Я должен знать, что с ней всё в порядке, что у неё всё хорошо. До чего же я хотел просто увидеть её! Я молил Бога

о ещё одной встрече. И пусть это будет последняя встреча... в моей жизни. Увидеть её и умереть, остальное – мелочи. Тогда я сам себе напоминал наркомана, у которого ломка. Только наркоману во время ломки нужен наркотик, а мне – Рита. Я мучился два дня. Потом, когда я пьянствовал поздно вечером в компании пьяных соотечественников, Саша из Костромы спросила, почему я такой грустный. Выпив одним глотком коктейль, я рассказал ей про Риту, а также о том, что моя русалочка уже два дня меня не зовёт. Разумеется, про убитого русалками поляка я ей не стал ничего рассказывать. Саша мне посочувствовала, сказала, что переживать мне не стоит, всё наладится, а сама отошла в сторонку и весь остаток вечера сторонилась меня. По-моему, она решила, что у меня «белочка». Рядом сидел бородатый мужик. Он слышал наш разговор с Сашей. Когда она ушла, он подсел ко мне и завёл разговор о русалках. Его звали Николай, он был из Самары. Николай тихим голосом стал рассказывать мне о том, что раньше на Руси отмечали Русалии, или Русальная неделя. Это был обрядовый праздник «проводов русалок». Русалии отмечались в канун Рождества Христова и Богоявления – зимние Русалии, на неделе после Троицы – русальная неделя или на Ивана Купалу. Праздник заключался в том, что в это время вся молодёжь села наряжалась в белые одежды, девки распускали волосы... Все ходили по селу, пели песни, водили хороводы... Считалось что накануне русалии опасно находиться вблизи водоемов. Когда я спросил его, почему

нельзя находиться вблизи водоемов, он ответил, что русалки могут под воду утащить и утопить. Я кивнул головой, перед глазами сразу появилась окровавленная футболка поляка, плещущаяся в волнах. Николай рассказал мне, что как-то раз сам видел русалку. В Иванов день он с друзьями разбили палаточный городок на берегу Волги. Ну, выпили немного. Николай отошёл в кусты по нужде, услышал всплеск воды. Раздвигает кусты и видит: в воду входит обнаженная красавица. Коля быстро снял одежду и сам в воду полез. В том месте было неглубоко, по колено... Подходит Николай к той девушке сзади и видит: у неё есть хвост. Небольшой такой, сантиметров десять...

– У неё были ноги? – удивился я. – Так какая же это русалка?

– Ты слушай меня, не перебивай... Заметив этот хвостик, Коля что-то растерялся, стал пятиться. А девка та обернулась и стала превращаться в уродливую старуху. Её чёрные, как смоль, длинные волосы стали сесть, груди обвисли, тело покрылось складками и пятнами. Ещё у неё выросли ногти на руках. Старуха подскочила к Николаю, схватила его за руку, тут же начала топить... Вы не видели Колю. Он такой здоровый мужик, что тот поляк по сравнению с ним – просто мальчик... Каким бы сильным ни был Коля, старуха оказалась сильнее его. Она упорно тащила его на дно! В какой-то момент Николай умудрился освободиться из её цепких объятий, всплыть на поверхность и закричать. К счастью, среди

его друзей были спортсмены. Они-то Николая и вытащили из воды. После этого он даже в бассейне боялся купаться... Так вот, он меня уверял, что русалки не такие, какой я описал вам Риту. Они выглядят, как люди, только с маленьким хвостиком, понимаете? А с рыбьим хвостом русалок не бывает. Это вымысел, фантазии поэтов и художников. И ещё он сказал, что русалка – это дух, а не живое существо. Я стал с ним спорить. Я говорил ему, что плавал в окружении русалок в море, видел, как они ловят рыбу. Также я рассказал ему, что сидел с Ритой ночью у моря, кормил шаурмой и поил вином. Зачем русалкам рыба, если они духи? Зачем духу пить вино и есть шаурму? Николай заржал, как конь и сказал, что мне пить меньше надо. И тут я не стерпел. Я встал с лежака и ударил его по лицу. Он тут же вскочил на ноги, схватил меня за грудки и стал трясти. Он тряс так сильно, что чуть душу из меня не вытряхнул. В тот момент я понял, что погорячился. Этот гигант убил бы меня, если бы нас не разняли...

Юля закурила. Выдохнув вверх струю дыма, она посмотрела в окно. Уже начинало темнеть, а ведь когда мы заходили в кафе, было светло, как днём. Усмехнувшись, Юля спросила Дмитрия:

– А потом Николай не пытался продолжить незаконченный разговор?

– Нет... Позднее, когда мы пересекались в отеле, он делал вид, что меня не замечает.

– Повезло же тебе, – сказал я, расправляясь с салатом и запивая его пивом.

– Как сказать... – Дима печально улыбнулся. – На следующий день я проснулся с жуткой головной болью. Лена по-прежнему со мной не разговаривала. Наспех перекусив в ресторане, я побежал к морю. Я не стал дожидаться, когда Рита меня позовёт. Желание увидеть её было сильнее страха. Больших волн в тот день не было, и я подумал, что мне это только на руку. Плюхнувшись пузом на «бублик», я стал грести прочь от берега. Когда музыка, игравшая на пляже, стала не слышна, а берег превратился в узкую, едва заметную полоску, я стал орать: «Рита! Я приплыл! Где ты, любовь моя? Покажись!» Я плавал, описывая круги, и кричал. Иногда опускал голову под воду и смотрел, нет ли поблизости русалок. Но их не было. Только глупые рыбёшки, снующие туда-сюда прямо подо мной... И тут я заметил тёмную тень, быстро приближающуюся сзади. Потом раздался всплеск. Я обернулся и увидел, как из-под воды поднимается чья-то голова с длинными, спутавшимися волосами. «Рита!» – обрадовано крикнул я. Но это была не Рита. Это была русалка мужского пола. Не знаю, как правильно – русал?

– Неважно, – Юля нетерпеливо замахала руками. – Продолжай!

– ... У него была длинная тёмная борода. В плечах он был раза в два шире Николая. Русал был похож на Риту, но у него были более грубые, топорные черты лица. Его злые глаза бы-

ли на расстоянии вытянутой руки от моего лица. Я испугался. Я никогда не видел других русалок так близко. К тому же, таких больших и явно недружелюбных... Зарычав, он ударил своей большой, когтистой рукой по моему кругу... Раздался хлопок, круг сдулся, превратившись в бесполезный кусок резины, и я оказался в воде. Я понимал, что живым русал меня не отпустит. Я грёб изо всех сил, но почувствовал железную хватку на своей лодыжке, и он потащил меня под воду. Мне хватило ума сделать глубокий вдох, иначе я бы не сидел тут с вами... Русал быстро тащил меня вниз, на дно, я же, как мог, дёргал ногами, бил его по руке, но он не ослаблял хватки. Мы опускались всё глубже и глубже. Вода давила мне на грудь... В какой-то момент я почувствовал, что кислород в лёгких заканчивается. Я запаниковал. От этого воздух кончался ещё быстрее. А русал тянул меня всё глубже и глубже, не обращая внимания на мое яростное сопротивление... Поняв, что брыкаться бесполезно, я попытался укунить его за руку. Перевернувшись в воде, я увидел, как к нам стремительно приближается ещё одна тень. Присмотревшись, я понял, что это была... Рита!. Она неслась со скоростью пули, работая вверх-вниз хвостовым плавником, выставив перед собой руки. Вы даже не представляете, как я обрадовался, увидев её. Не знаю откуда, но у меня появилось ощущение, что я не погибну... Рита быстро подплыла к русалу и вцепилась зубами в его плечо. Я услышал приглушённый писк, вода стала окрашиваться кровью. В следующее мгновение он

отпустил меня. Рита тут же схватила меня за запястье и потянула вверх. Всплывали мы быстро, только не вертикально, а как-то наискосок...

Дима вдруг замолчал. Юля сделала глоток пива, с улыбкой спросила:

– Ты думаешь, Рита что-то знала о кессонной болезни?

– Не знаю. Только всплывали мы именно так. Из воды мы практически выпрыгнули. Я сделал вдох, шлёпнулся в воду. Успел увидеть, как Рита сделала сальто в воздухе и опять нырнула. В этот момент я почувствовал резкую боль в правой икре, от которой я закричал, а потом меня опять стало затягивать под воду... Стоит отдать должное плавательным очкам, которые были на мне. Мне их привёз из Испании брат Ленки. Эти очки не сползли с моей головы ни тогда, когда русал тянул меня на дно, ни тогда, когда мы быстро всплывали с Ритой. Под них даже вода не затекла... Смотрю я вниз и вижу: русал вцепился ногтями в мою ногу и снова тащит вниз. Мне больно, я ору, брыкаюсь, кровь хлещет из раны, окрашивая воду в красный цвет... И тут опять появилась Рита. Она вцепилась зубами в хвост русала. Из его хвоста пошла кровь, он опять отпустил меня. Запищав, он попытался ударить Риту, но та быстро отплыла в сторону. Я всплыл, сделал вдох и из последних сил поплыл к берегу. Но проплыл я всего метров десять. Сзади опять послышался всплеск. Я оглянулся и увидел, как русал, точно так же, как Рита, выпрыгивает из воды и падает на меня сверху. Его когти тут же

впились мне в плечи, и он опять начал топить меня... Потом я погрузился в темноту, которая стала светлеть, превращаясь в туман. Из белого тумана стало выплывать лицо русала с оскаленными зубами, которое плавно трансформировалось в улыбающуюся физиономию Энвера, врача из отеля «Баттерфляй». Он был одним из немногих турков из обслуживающего персонала отеля, кто хорошо говорил по-русски, хотя с небольшим акцентом. Я лежал на твёрдой койке, напротив меня, на стуле, сидел Энвер, положив ногу на ногу. Он хитро шурился, глядя на меня. Во рту у меня было сухо, голова гудела. Когда я попросил воды, Энвер спросил меня, как я себя чувствую. Я ответил, что нормально, хотя, если честно, плечо и нога немного побаливали. Приподняв голову, я увидел повязки...

– Бедненький, тебе накладывали швы? – Юля покачала головой.

– Да! Их сняли где-то через неделю...

– Так сколько же ты там тусовался? – удивился я.

– Месяц! – Дима многозначительно поднял указательный палец, указав им куда-то в потолок. – Просто мы хотели отдохнуть так, чтоб на всю жизнь запомнилось. Действительно, блин, запомнилось... Энвер принёс мне стакан апельсинового сока. Наверное, они туда что-то подмешали – с каждым глотком я себя чувствовал лучше и лучше, а когда я опорожнил стакан, мне даже стало весело. Я стал вспоминать, что со мной произошло, понял, что каких-то звеньев в цепочке па-

мяти не хватает. Я помнил, как уплывал от русала, а потом – пробел. Энвер, будто прочитав мои мысли, сказал, что утром я пошёл купаться, где-то полчаса плавал далеко за буйками, а потом я вышел из воды весь в крови. Я шёл по пляжу, пугая гостей отеля своим видом, оставляя позади себя кровавые следы, дошёл до лазарета и потерял сознание. Это Энвер меня нашёл лежащим под дверью... Ещё он рассказал мне, что я твердил, что на меня напала русалка и звал какую-то Риту. «Но вашу жену зовут Елена, верно?» – спросил меня Энвер. Я кивнул головой. Судя по хитрым глазёнкам врача, он тоже знал о русалках, поэтому отпираться не было смысла. Удовлетворенно тряхнув головой, Энвер открыл дверь. В палату вошёл высокий турок в белом костюме и в солнцезащитных очках. На его лице и на шее я увидел четыре змеящихся шрама, будто его сильно поцарапал Фредди Крюгер. Разумеется, не было никакого Фредди. Кто мог так разукрасить этого типа, как не русалки? Длинный турок вёл под руку Лену. Увидев меня, она вырвалась, подбежала ко мне, стала целовать, смеяться, плакать... Оказывается, она была уверена, что на меня напали акулы, что я утонул, что я умер... Увидев меня живым, она готова была всё мне простить. До сих пор не забуду её мокрые, соленые поцелуи. Такой я её никогда раньше не видел. Когда она спросила, что со мной, Энвер за меня ответил, что я пьяный свалился с пирса и поранился о прибрежные камни. Чушь полная, да?

Дмитрий обвёл нас цепким взглядом.

– Не знаю, – ответил я. Юля пожалала плечами.

– Но Ленка поверила. Энвер посоветовал ей не отпускать меня никуда одного, а потом попросил её выйти из палаты. Когда Ленка всё-таки вышла – она не хотела меня оставлять наедине с турками, – заговорил человек в белом костюме. Он говорил на турецком, а Энвер переводил мне на русский. Оказалось, высокого господина в костюме зовут Демир, он хозяин отеля «Баттерфляй». Проведя пальцем по шраму на лице, Демир сказал, что знает о существовании русалок и в курсе, что они на меня напали. «Я знал это, – ответил я. – Лично видел, как ваши повара подкармливали их». Демир с Энвером переглянулись. Лицо Демира растянулось в улыбке. Продолжая улыбаться, он сказал, что я не должен никому рассказывать о том, что со мной произошло в отеле «Баттерфляй», иначе мы с Леной не вернёмся в Екатеринбург... живыми. Он поклялся мне, что сначала его люди на моих глазах убьют Лену, а потом убьют меня. Причём, я буду умирать долгой и мучительной смертью. Я не стал уточнять у Демира, как он собирается убить меня, но пообещал ему, что буду молчать, как рыба. Энвер перевёл мои слова, Демир кивнул головой. Подойдя к тумбочке у кровати, он стал выкладывать из карманов пачки долларов и сложил из них небольшую башню. Ещё он сказал мне, что это – компенсация за подпорченный отдых и плата за молчание. Когда я стал благодарить его, он мне сказал, что скоро он на русалках зарабатывает миллионы долларов и евро.

– И много там денег было? – с горящими глазами спросила Юля.

– Я бы не сказал. Они были мелкими купюрами. Поэтому казалось, что их много. Единственное, что я вам могу сказать: благодаря этим деньгам остаток отпуска прошёл шикарно. Мы с Ленкой устроили себе такой шопинг, что вам и не снился. Мы купили жене норковую шубу, мне – дублёнку, кучу всякого тряпья, накупили золота... Вот, смотрите... – Дима продемонстрировал нам золотой перстень с красным камнем и толстый браслет на запястье тоже из золота.

– Круто! – вырвалось у Юли.

– Ничего крутого, – Дима закатал штанину. Его правая нога была изборождена короткими, но глубокими шрамами. – Такие же шрамы у меня на плече... Золото здесь ни в одном ломбарде не примут, оно низкой пробы. Барахло сносится, а шрамы-то на всю жизнь останутся, понимаете? Я сейчас всю жизнь женщинам врать буду, что на меня медведь на охоте напал...

– Зачем тебе им врать? – не поняла Юля. – А как же Лена?

– Развелись мы с ней... В прошлом году. Я ещё не всё вам рассказал. Демир приставил к нам двух громил-охранников, которые везде сопровождали нас и следили за каждым моим шагом. Когда Лена спросила меня, зачем это, я ей соврал, что Демир боится, что я кому-нибудь проболтаюсь, что покалечился в его отеле. Он репутацией дорожит. А чтобы я ещё где-нибудь не поскользнулся, он приставил к нам охра-

ну. Лену мой ответ вполне удовлетворил... Эти же молчаливые охранники нас отвезли на машине в аэропорт Анталию в день вылета и проводили до самого самолёта... Возвращение на Родину далось мне тяжело. Я ещё сильнее тосковал по Рите. Я каждый день открывал коробок, смотрел на её чешуйки... И не мог сосредоточиться на работе! Из-за этого меня уволили с прежней работы... Если кто не знает, я работал в банке... И мне пришлось пойти работать на стройку. До чего же я снова хотел услышать голос русалки в своей голове! Но голос Риты в моей тыковке больше не звучал. Я топил свою печаль в водке и тихо спивался. Именно в то время Лена ушла от меня. Я не знаю, что со мной было бы... Я медленно скатывался вниз, но как-то раз я зашёл в продуктовый магазин в центре города. Мы как раз строили дом на улице Сакко-и-Ванцетти... Я тогда купил лаваш, кефир и бутылку водки. Стою я в очереди у кассы, смотрю: на кассе сидит... Рита! Меня будто дубиной по башке шарахнули. Я стою, смотрю на неё, а она даже взглядом меня не удостоила. Машинально отбила чек, дала сдачу и сказала: «Следующий!» Конечно, это была не Рита. Просто это была женщина, как две капли воды похожая на мою русалочку. У неё были такие же длинные русые волосы, такие же глаза, такие же плечи... Только кожа у той продавщицы была гладкая, на глазах не было мутной плёнки. Не было у неё складок у рта, да и рот был не такой большой. Зубы тоже у неё были обычными, ровными, а не длинными и острыми. На её кра-

сивой шее отсутствовали жабры. И звали её Татьяной. Руки у Тани были без перепонки, с ухоженными ногтями. Но она была сильно похожа на Риту. Я заходил каждый день в тот магазин, и сердце моё учащенно билось, когда я проходил через кассу. В какой-то момент я заговорил с ней... Вы не поверите, но голос её очень напоминал голос Риты. Когда в моей жизни появилась Таня, я стал следить за собой, бросил пить и курить, стал прилично одеваться. Я постоянно говорил Тане комплименты, дарил цветы. Мы каждый день с ней общались. Я даже узнал, во сколько заканчивается её рабочий день. И вот, в один прекрасный вечер я ждал её у магазина с большим букетом роз. Я предложил ей прогуляться по центру города, и она согласилась. Мы долго гуляли по вечернему Екатеринбург, непринужденно болтали, как старые друзья, зашли в кафе на Плотинке. Мне удалось выяснить, что Таня замужем, есть ребенок, сын. В молодости она занималась плаванием. Я думаю, поэтому у неё были такие развитые плечи и руки. Да она вся была просто супер! Ещё я узнал, что Таня никогда не была в Турции и моря не видела... На следующий день я опять пришёл в тот магазин, но Тани я не увидел. Очень расстроился. Девушка, сидящая на месте Тани, сказала мне, что Татьяна уволилась. А у меня не было ни её телефона, ни адреса. Заведующая магазином категорически отказалась поделиться со мной такой информацией. Я думаю, муж у Тани всё-таки ревнивый, хотя она меня уверяла в обратном. Скорее всего, это её муж настоял

на том, чтобы она уволилась из магазина...

– И ты опять впал в депрессию? – спросила Юля, с сожалением глядя на Диму.

– Да! И ещё в какую! Моя жизнь потеряла смысл. От самоубийства меня спасли... сны! Мне начало сниться море, мне стали сниться русалки. Сначала я не понимал значение этих снов, но потом до меня дошло, что во сне я становлюсь... Ритой. Я живу её жизнью: ловлю рыбу, дерусь с другими русалками за территорию. Я вижу, как самцы-русалки заигрывают со мной, слышу их приглушенные голоса, которые под водой напоминают писк. Хотя, чаще всего, они общаются, жестикулируя руками. Пару раз я слышал, как поют русалки. Это странная, завораживающая песня, состоящая из звуков «у», «а», «и», а также можно услышать шипение и пощелкивание...

– Ничего себе, – тихо пробормотал я, глядя на бокал с пивом. Я всё ещё сомневался в правдивости слов Димы, но какая-то часть меня говорила, что с ходу такое не придумать. Даже Стивен Кинг до такого бы не додумался.

– О-о-о-а-а-а-и-и-и! – Дима попытался напеть песню русалок, но замолчал, заметив, как другие посетители кафе бросают на него косые взгляды. Прокашлявшись в кулак, он продолжил: – Как-то раз, опять-таки во сне, я увидел мёртвую молодую русалку, запутавшуюся в рыболовных сетях. Посмотрев вверх, я увидел дно небольшого судна. Наверное, это было рыболовецкое судно... Русалки – там были и муж-

чины, и женщины, – плавали вокруг тела их соплеменницы и издавали какие-то странные звуки. Это было и рычание, и шипение. Несколько русалок, в том числе и я, стали рвать зубами сети и вытаскивать из них мёртвую русалочку. Другие устремились вверх. Я так понял, что они выпрыгнули из воды и забрались на борт судна. Через минуту в воде оказались три рыбака. Мужчины-русалки душили их своими сильными, жилистыми руками. Рыбаки какое-то время сопротивлялись, пытаясь вырваться, но потом обмякли, раскинув руки. И в этот момент все русалки накинулись на них и принялись поедать, откусывая куски от их тел. Вода покраснела от крови. В кровавом облаке плавали кусочки плоти и одежды рыбаков. Когда от рыбаков остались одни скелеты, русалки стали поедать тело своей мёртвой соплеменницы...

– Фу-у-у! – Юля брезгливо сморщилась, будто увидела дохлую жабу в своей тарелке.

– Ты права. Зрелище не из приятных. И хорошо, что Рита наблюдала это со стороны и не принимала участия в трапезе. Меня бы стошнило прямо во сне... Они обглодали мёртвую русалку до костей. Потом долго плыли и бросили скелеты в глубокую впадину. Я видел, как эти скелеты опускаются на дно, а вокруг них плавали мелкие разноцветные рыбки, отщипывая остатки плоти от костей... Я понял, зачем они это делают. Они прячут останки русалок для того, чтобы люди их не нашли. Пока люди о них ничего не знают, русалки живут и размножаются. Вы представляете, что будет, если о

них узнают? Что их ждёт? Цирки, зоопарки и бесконечные опыты над ними в лабораториях. Тогда они точно вымрут и превратятся в легенду. Кстати, скелет русалки очень похож на скелет человека. Только кости таза у них гораздо уже и ног нет. Хвост русалки – это продолжение позвоночника... Я долго размышлял, зачем мне всё это снится? Постепенно я пришёл к выводу, что между мной и Ритой установилась телепатическая связь. Она посылает мне телепатические сигналы. Зачем? Да потому, что всё ещё помнит меня! Может, даже любит. Вот я и решил ещё раз съездить в Турцию. Поеду в Аланью...

– В тот же отель? – удивилась Юля.

– Конечно, нет. В том отеле меня знают, а потому мне там не рады. Меня и к морю-то не подпустят. Я поеду в «Рейн-боу». Тоже красивое название, да? Переводится с английского как «радуга»...

– И когда ты поедешь? – задал вопрос я.

– Этим летом, в августе... Я нисколько не сомневаюсь, что опять увижу свою Ритку. А потом – будь, что будет...

– Дим, – Юля кашлянула. – А ведь ты говорил, что хозяин отеля пообещал, что убьёт тебя, если ты про русалок проболтаешься. Нам же ты рассказал... Ты не боишься?

– Если он не убил меня тогда, то уже не убьёт. К тому же, я сомневаюсь, что кто-то мне поверит. Вы же мне не поверили

– Да нет, поверили, – похоже, Юлия говорила это искренне. Во всяком случае, мне так показалось.

– Конечно, поверили, – поддакнул я, хотя поймал себя на том, что сказал я это неубедительно. В отличие от Юлии, в моем голосе сквозили нотки неуверенности, не было твёрдости.

– Не поверили... Я и сам сначала не верил. В любом случае, мне нужно было с кем-то поделиться этим. Знаете, я совсем один. Мне некому излить душу. А таскать этот груз в себе очень тяжело... Вас с Пашей я знаю давно. Мы учились с вами в одном классе, дружили. Я уважаю вас и доверяю вам. Как вы думаете, почему я зашёл сюда именно в тот момент, когда вы здесь были?

– Не знаю, – я пожал плечами. – Может, совпадение?

– Нет! – Дмитрий допил пиво, хлопнул бокалом по столу. – В моих снах мне снится не только Рита. В одном из снов, дня два назад, я увидел вас, сидящих в этом кафе и за этим столиком. Часы на стене показывали пять! Юля сказала тебе, Пашка: «Давай выпьем за десять лет семейного счастья!» Вы чокнулись, выпили и поцеловались...

Мы с Юлей переглянулись. На щеках моей жены появился румянец. Действительно, всё было так, как рассказывал Дима. И это происходило за час до его появления в кафе.

– Вы думаете, я не помню, когда у вас была свадьба? Мне тогда двадцать один год был. Я был на вашей свадьбе. В тот же день я познакомился с Леной...

– А часы? Ты говорил про часы... – Юля нервно комкала салфетки.

– А вот они, на стене!

Мы оглянулись. На стене, за нашим столиком, висели большие настенные часы.

– Ого!– только и смог сказать я.

– А ещё я видел разбитые чашки, тарелки и шашлыки на полу. Не знаю, к чему это...

В этот момент мимо нашего столика пронеслась официантка Жанна с подносом в руках. Пробегая мимо нас, она запнулась об ножку стула, на котором сидела Юля, и упала. Послышался стук, звон битой посуды. Мы с Димой помогли Жанне подняться с пола.

– Ой, какая я неловкая! Извините! Простите... – Жанна стала подбирать осколки посуды. Подняв шампур с шашлыками, она печально вздохнула.

– Вы не ушиблись? – поинтересовался у неё Дмитрий.

– Нет... Вы не обращайтесь на меня внимание. – Жанна собрала всё с пола, сложила на поднос. Прихрамывая, она скрылась в подсобном помещении.

– Вот это да! – произнёс я, глядя, как закрывается дверь в подсобку.

– Ф-фу! – Дима вытер пот со лба тыльной стороной ладони. – Что-то мне жарко стало! Вы не возражаете, если я ненадолго выйду? Пойду, подышу свежим воздухом...

Мы с Юлей синхронно кивнули головами. Дима встал из-за стола, вышел из кафе.

– Ты веришь ему? – Юлия накрыла своей ладонью мою

руку.

– Теперь да, – ответил я. – Такой спектакль он не смог бы специально спланировать и разыграть. У него бы фантазии не хватило...

– *Моя звезда упала за линию прибоя, бокал мой опустел, ты рядом не со мною,* – затянул песню из репертуара «Ляписов» лысый мужчина в красной рубашке. Его пальцы забегали по клавиатуре синтезатора. – *Холодной рукою тебя волна укрыла, бездонною тоскою укутала-пленила...*

Мы какое-то время сидели за столиком и слушали живое выступление неизвестного музыканта, совсем не похожего на Сергея Михалка, пока Юля не спросила:

– А где Дима?

– Минут через пять должен прийти, – спокойно ответил я. Уж я-то знал, что если Дима сказал, что придёт, он обязательно вернётся.

Но он не пришёл ни через пять, ни через десять минут, ни через полчаса. Станцевав два медленных танца, мы решили идти домой. К тому же, сидеть в кафе мне уже надоело. Мы вышли на свежий воздух. Димы нигде не было. Прогулявшись туда-сюда по улице Малышева, мы решили идти домой.

– Как ты думаешь, почему он ушёл, не попрощавшись? – спросила меня Юля.

– Не знаю, – ответил я. – Может, он испугался, что ему придётся платить за свой ужин? Но я бы настоял на том, что-

бы он не платил. Это ведь наш праздник, значит, мы должны угощать, правильно?

– Да, – согласилась Юля.

– ... И я нисколько не сомневаюсь, что завтра он мне позвонит, скажет, что стоял на крыльце, курил, а тут на крутой тачке подъезжают его друзья со стройки, насильно затаскивают в машину и везут в ночной клуб, где он до утра и протусовался...

Юля засмеялась, легонько хлопнув меня по спине.

Но Дима не позвонил ни на следующий день, ни через месяц. Мы стали забывать о нём и о его рассказе. Димка выпал из нашей размеренной жизни так же внезапно, как в ней появился. Мы вспомнили о нём только в феврале, перед днём встречи выпускников нашей школы.

– Может, позовём Димку на встречу, а? – предложила Юля.

– Почему бы и нет? – ответил я и начал набирать его номер.

Я не смог дозвониться до Дмитрия ни по сотовому, ни по домашнему телефонам. Перелистав записную книжку, я не нашёл никаких других его контактов. И вот я решил лично зайти к нему домой и сказать о встрече выпускников. К моему глубокому удивлению и разочарованию, дверь квартиры, в которой жил Дима, открыла пожилая полная женщина и сказала, что год назад купила эту квартиру. К счастью, о судьбе «бородатого пьяницы» ничего не знает и знать не хо-

чет.

– Может, издох уже, – закончила женщина и захлопнула дверь.

Я долго стоял под той дверью, анализируя ситуацию. Я был в шоке. Неужели мой друг всё же спился? Мне в это не верилось. А вдруг турки всё же добрались до него, и он оплатился за свою болтливость? В это не хотелось верить, но в нашей жизни всякое бывает. А может, он продал квартиру, уехал в Турцию и живёт там сейчас припеваючи, купается в Средиземном море в компании своей Риты. Может, он счастлив, у него есть всё или почти всё? Он нашёл своё счастье...

Хотелось бы в это верить!

Рассказ Дмитрия про русалок произвёл на меня впечатление. Но ещё сильнее он впечатлил мою Юлю. Она хочет поехать в Турцию. мечтает увидеть там русалок. Она даже начала обучаться дайвингу в клубе подводного плавания, купила себе акваланг. Но не это меня пугает. Меня страшит то, то она хочет поехать... в отель «Баттерфляй», в котором был Дима.

Моя супруга с нетерпением ждёт лета. Недавно мы даже видеокамеру купили, чтобы снять фильм о нашей первой поездке в Турцию. Не знаю почему, а мне немного страшно. Каждый день я прислушиваюсь к своим ощущениям. Голосов в голове пока не слышу, Юля – тоже. И Слава Богу!

26 ноября 2010 – 31 декабря 2010.